
К ЮБИЛЕЮ А. И. ГЕРЦЕНА

Н. Н. РОДИГИНА, Т. А. САБУРОВА

«ВПЕРЕД К ГЕРЦЕНУ»

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ А. И. ГЕРЦЕНА В МЕМУАРАХ РУССКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ XIX в.

Статья посвящена образу А. И. Герцена в мемуарном наследии русских интеллектуалов. В статье раскрыта связь представлений о Герцене с формированием идентичностей русской интеллигенции, становлением ее мифологии.

Ключевые слова: *репрезентации, интеллектуалы, идентичность, мемуары.*

«Не много русских писателей, о которых было бы высказано столько противоречивых мнений, сколько о Герцене... Для одних – это тип русского Гамлета, для других боец; то крайний идеалист, почти Дон-Кихот, то безнадежный пессимист; то вечно ищущий бога тип Ивана Карамазова, то сухой рассудочный атеист... Одни ужасаются его социализму, другие находят, что социалистом он мог быть разве что по имени только; видят в его взглядах на Россию только своеобразную форму славянофильства, считают их началом развивающегося и живучего донныне социалистического народничества», – такими словами начинается монография о Герцене, написанная в начале XX в. историком русской общественной мысли В. Е. Чешихиным¹. История конструирования и бытования образа Герцена в русской культуре XIX в. наглядно подтверждает приведенное наблюдение одного из первых биографов известного русского писателя, публициста, общественного деятеля.

Мы исходим из того, что репрезентации Герцена в общественном сознании его современников и культурной памяти ближайших потомков в большей степени зависели от их мировоззренческих пристрастий, чем от реальных характеристик его личности, жизни и деятельности. Мифологизация Герцена способствовала формированию идентичностей (идеологической, национальной, поколенческой и др.) русской интеллигенции, созданию ее системы ценностей, фигур и мест памяти.

Данная статья посвящена выяснению связи образа Герцена в русской мемуарной литературе XIX в. с процессом формирования социальных идентичностей русских интеллектуалов. Путем выявления слов-

¹ *Ветринский [Чешихин]. 1908. С. V–VI.*

маркеров, метафор, литературных героев и исторических личностей, с которыми отождествлялся или сравнивался Герцен, мы стремимся выявить приемы мемуарного повествования, при помощи которых русские интеллектуалы создавали одного из своих героев/антигероев.

Основным объектом анализа стали мемуары нескольких поколений русских интеллектуалов, начиная с 1830–1840-х гг. и заканчивая поколением 1880-х гг. Группировка мемуарной литературы по принципу поколенческой принадлежности ее авторов позволяет, с нашей точки зрения, не только увидеть этапы «моды на Герцена» у читающей России, но и показать сложно уловимое влияние социокультурных, идейных, политических характеристик и «вызовов» того или иного периода на содержание представлений об А. И. Герцене.

Отношение современников к Герцену – сюжет не новый как для отечественной историографии, так и для литературоведения, философии. Однако специфика мемуарного письма XIX в. «о Герцене» еще не была предметом самостоятельного изучения. Из внушительного перечня научных исследований о Герцене упомянем лишь о тех, которые послужили отправной точкой для наших рассуждений. З. П. Базилева в монографии, посвященной «Колоколу», анализируя реакцию русской периодической печати начала XX в. на 50-летие начала издания «Колокола» (1907 г.) и 100-летие со дня рождения Герцена (1912 г.), делает краткую, но очень важную для нас ремарку о том, что и «кадеты, и народники, и мирнообновленцы старались придать деятельности Герцена и его журналу свою окраску»².

М. К. Перкаль подробно охарактеризовал реакцию русской легальной прессы на смерть Герцена, показал влияние цензуры на судьбу литературного наследия Герцена в России и на содержание публикаций периодической печати 1870-х гг. о жизни и деятельности Герцена³. Собранный им фактический материал дает основания для сравнения репрезентаций Герцена в периодической печати и мемуарной литературе, позволяет судить о возможном влиянии прессы разной идеологической направленности на формирование представлений о Герцене.

Об экстравагантной «моды на Герцена» русского общества, «привыкшего к цивильным и военным мундирам», упоминал В. А. Туманов, связывая ее окончание с «закрытием либерального сезона и вступлением общества и литературы в новую, “фискальную” фазу развития», когда многие из посетителей лондонского изгнанника превратились в

² Базилева. 1949. С. 6.

³ Перкаль. 1986. С. 108–126.

обскурантов и гонителей Герцена⁴. Монографии В. А. Туманинова, И. В. Пороха, статьи И. П. Видуэцкой, Е. Г. Бушканец, Е. А. Смирновой, Н. Я. Эйдельмана и др. содержат ценную информацию об оценках личности и творчества Герцена известными русскими писателями и литературными критиками, раскрывают биографический контекст отношений нашего героя с русской интеллектуальной элитой⁵. Для выявления социокультурного, идеологического, эстетического, биографического контекста формирования мемуарного дискурса мы обращались к многочисленным работам, посвященным жизни и творчеству Герцена. Понимая их идеологическую и методологическую детерминированность и считая их важным источником изучения бытования образа Герцена в русской культуре XX столетия, мы обращали основное внимание на богатейший фактический материал, собранный нашими предшественниками, придавая второстепенное значение интерпретациям его жизни и деятельности, которые составляют предмет специального изучения⁶.

Существенным для нас являлся вопрос о степени реальной информированности русского общества о жизни и творчестве Герцена в период эмиграции. В поисках ответа на него мы обратились к работам Е. П. Федосеевой, Е. Л. Рудницкой, Н. Я. Эйдельмана, касающимся распространения герценовских изданий в России, круга их русских корреспондентов и читателей⁷. Мы учли наблюдения Л. П. Громовой о публикациях Герцена в русских легальных столичных и провинциальных периодических изданиях, о причинах кратковременной «легализации» имени и произведений «лондонского эмигранта» в 1862–1863 гг., о таких способах знакомства русской читающей публики с его идеями, как цитирование текстов его произведений без упоминания авторства или при помощи таких «прозрачных» для искушенных читателей номинаций, как «один из друзей господина Огарева» и др.⁸ Отправным для нас стало и утверждение И. Берлина о том, что идеологи всех направлений русской общественной мысли: либералы и радикалы, народники и анархисты, социалисты и коммунисты объявляли Герцена своим предтечей⁹.

Определенное влияние на замысел нашей работы оказало исследование Р. З. Хестанова, а именно та его часть, которая посвящена образам

⁴ Туманинов. 1994. С. 59–61.

⁵ См. напр.: Порох. 1963; Видуэцкая. 1963. С. 300–320; Бушканец. 1963. С. 280–292; Смирнова. 1963. С. 293–299; Эйдельман. 1979. С. 110–118 и др.

⁶ См. напр.: Володин. 1970; Пирумова. 1989; Дрыжакова. 1999 и др.

⁷ Федосеева. 1956; Эйдельман. 1963, 1984 и др.

⁸ Громова. 1994. С. 92–103.

⁹ Берлин. 2000. С. 111–142.

Герцена в русской культуре и способам их конструирования¹⁰. Посредством выявления специфических риторических приемов и ключевых метафор повествования о Герцене автор выделяет несколько, с его точки зрения, наиболее популярных и влиятельных моделей интерпретации жизни и творческого наследия Герцена. Одна из них, почвенническая, националистическая относится к интересующему нас периоду. По мнению Хестанова, смерть Герцена разделила почвенников на две группы. Часть их (например, Н. Н. Страхов) активно включилась в борьбу за герценовское наследие, считая, что его можно привлечь для борьбы с современным нигилизмом и западноевропейскими влияниями. Герцен описывался ими как «свой», но утративший веру отщепенец, что подтверждалось его западничеством, нигилизмом, атеизмом, эмиграцией в Европу. Эта группа почвенников для создания образа Герцена активно использовала патриархальную риторику семьи, рода, племени. Так, для Страхова, младшего современника Герцена, была характерна риторика отца, призванного, с одной стороны, репрезентировать сплывающую род волю и справедливость, с другой, оправдать «блудного сына» перед лицом охранительных обвинений в «преступных увлечениях», в «измене русскому народу», в «пагубном влиянии на молодежь»¹¹. Исходя из такой установки, «отчаявшийся западник» и «нигилист» Герцен превращен Страховым в русский народный культурно-исторический тип. Другая группа почвенников, к которой Хестанов относит В. В. Розанова, Ф. М. Достоевского, считала, что русское культурное наследие следует защищать от несправедливых претензий и агрессивных нападок нигилистов, вроде Герцена. Интерпретируя Герцена, они опирались на риторику обиды и зависти к бурному прошлому покаявшегося брата и стремились показать несостоятельность братской перспективы¹².

Для того, чтобы проследить эволюцию образа Герцена, понять, какие интерпретационные парадигмы закрепились в культурной памяти русского образованного общества, мы обращались к исследованиям, посвященным бытованию образа Герцена в XX в.

Символическое значение Герцена для конструирования интеллектуального пространства первых послереволюционных лет на примере творчества Г. Г. Шпета демонстрирует В. М. Живов¹³. Особенно важен его тезис о том, что для части русских интеллектуалов 1910–1920-х гг.

¹⁰ Хестанов. 2001.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Там же. С. 18–19.

¹³ Живов. 2005. С. 166–174.

Герцен являлся воплощением гуманистических ценностей, противостоявших как традициям русского консерватизма, так и утопизму русской религиозной философии и антииндивидуализму строителей «нового мира». В этом контексте сочинение Шпета о Герцене рассматривается как вариант нарратива, альтернативного марксистской интерпретации Герцена – «отца» революционного движения. Суть шпетовского нарратива Живов видит в констатации секулярного, антиутопического характера герценовской философии, декларировавшей свободу личности и возвращавшей интеллектуальную свободу тому поколению русских мыслителей, которое определяло свои мировоззренческие приоритеты, отрекаясь от «ренегатства» «Вех» и от революционной риторики.

Интересными представляются выводы И. Паперно о том, что для мемуаристов советской эпохи «Былое и думы» были основополагающим текстом интеллигентской культуры, так как они закрепляли формы повседневной и эмоциональной жизни поколения людей, рожденного в 1812 г., пережившего события 1825 и 1848 гг., связанного ощущением исторической, социальной, политической и апокалиптической значимости интимной жизни, разделенной с кругом «своих». Посредством чтения люди XX в. приобщались к жизни, описанной Герценом, как за счет отождествления себя с ним и его окружением, так и за счет воспроизведения подобных социально-эмоциональных парадигм на материале собственной жизни, в советских условиях¹⁴. Предпринятый И. Паперно анализ автобиографических текстов советских интеллектуалов наглядно свидетельствует о том, что образ Герцена сохранил свое идентификационное значение для русской интеллигенции XX столетия, а многочисленные «штудии» и научные работы о Герцене постсоветского времени свидетельствуют о преемственности стремления отечественных гуманитариев создавать «своего» Герцена. Впрочем, это стремление характерно не только для наших соотечественников. Примечательны в этом смысле слова английской исследовательницы А. Келли, соотносящей Герцена с либеральной традицией русской общественной мысли:

Сейчас, когда Россия вновь стоит перед выбором, на перепутье расходящихся в разные стороны дорог, мы различаем его отголоски. Эхо Герцена слышится в голосах тех, кто предостерегает нас от “единственно правильного пути”, куда бы тот ни вел – в славянофильскую утопию или рай свободного рынка; тех, кто убежден, что сложные и противоречивые устремления современных россиян могут наилучшим образом осуществиться благодаря некому эклектическому слиянию русских общинных традиций с западными идеалами личной свободы¹⁵.

¹⁴ Паперно. 2004.

¹⁵ Келли. 2002.

Герцен стал одной из знаковых фигур в процессе формирования идентичности русской интеллигенции. Создавая образ Герцена в мемуарах, представители русского образованного общества тем самым конструировали и обобщенный образ интеллигента, который становился основой для идентификации социокультурной группы, пытающейся определить свое место в российском обществе второй половины XIX в. Трудности идентификационных исканий, обусловленные традиционной формальной сословной структурой русского общества, созданной властью, отсутствие в этом случае европейских образцов идентификации, подкрепляли складывающиеся представления об уникальности русской интеллигенции как группы, подталкивали к формированию и закреплению идентичности через персональные образы, в которых должны были отразиться базовые черты интеллигенции. Интеллигенция создавала свой язык, свою мифологию, своих героев, что позволяло представителям русского образованного общества совершать идентификационный выбор и являлось средством групповой консолидации.

Обращаясь к характеристике Герцена, авторы воспоминаний об эпохе 1830–1840-х гг. подчеркивали его высокий интеллектуальный уровень, блестящий ум. И. И. Панаев писал: «С блестящими способностями, с пытливым умом, жаждавшим знания и не останавливавшимся ни перед какими преградами преданий, взращенный на французской литературе XVIII в., пылкий и остроумный, Искандер скоро обратил на себя внимание всей мыслящей Москвы»¹⁶. У П. В. Анненкова встречаем такие повторяющиеся слова-репрезентанты: «необычайно подвижный ум», «непокорный и неуживчивый ум», «стойкий, гордый, энергический ум», «безоглядная расточительность ума». Герцен воплощал в себе качества русского интеллектуала, критически мыслящего, стремящегося к новому знанию. Сам Герцен писал, что «отличительная черта нашей эпохи есть grubeln»¹⁷. Причем, критический ум не позволял представителю интеллигенции мириться с несовершенством жизни общества, что вызывало критику социальной действительности, выявление недостатков и борьбу с ними. Вновь сошлемся на Анненкова: «Герцен... как будто родился с критическими наклонностями ума, с качествами обличителя и преследователя темных сторон существования»¹⁸.

В 1830–40-х гг. интеллектуальная жизнь русского общества была сосредоточена в кружках и литературных салонах, где кипели споры за-

¹⁶ Панаев. 1956. С. 95.

¹⁷ Герцен. 1954. С. 49.

¹⁸ Анненков. 1956. С. 128.

падников и славянофилов, обсуждались пути исторического развития России, философские теории и литературные направления. Поэтому важным качеством являлись ораторские, полемические способности, которые неоднократно отмечали современники Герцена. У Анненкова: «неугасающий фейерверк речи», «умное слово, скользящее, парадоксальное, требующего напряженного внимания собеседника». В мемуарах А. Н. Пыпина: «Очень разговорчивый, мягко льющаяся речь, блестящая остроумием». А. Я. Панаева вспоминала: «Герцен сыпал остротами, точно блестящим фейерверком», «после его остроумных разговоров казалось, что все другие говорят вяло, как-то размазывают свою мысль, тогда как Герцен передавал ее всегда сжато, рельефно и блестяще; она сверкала, точно молния»¹⁹. Воспоминания Г. Н. Вырубова создают образ Герцена как неподражаемого рассказчика и идеального собеседника:

«Он не ораторствовал, не слушая партнера, как это делают многие: он, напротив того, вызывал возражения, внимательно выслушивал и с необыкновенной быстротой умел всегда облечь в изящную форму меткий ответ. Остроты, неожиданные сравнения, анекдоты, афоризмы, подчас парадоксы, расточал он в разговоре вовсе не с целью удивить или ошеломить противника, а для того, чтобы ярче и очевиднее представить то положение, которое он принимал за истину»²⁰.

Сочетание интеллекта, остроумия, умения вести полемику позволило создать образ «блестящего» Герцена, привлекавшего внимание, и соответственно имевшего возможность стать одним из героев русской интеллигенции. Метафора «блестящий» наиболее часто использовалась людьми 1830–40-х гг. при характеристике Герцена: «блестящие способности», «блестящий», «блеск и остроумие», «его блестящая речь играла и искрилась»²¹; «кипучая живость и блеск»; «Герцен, блестящий, полный огня, всегда увлекающийся в крайности, но одаренный большим художественным талантом и неистощимым остроумием»²². В связи с этим, интересно отметить сравнение Герцена с солнцем, оживляющим и меняющим все при своем приходе (Н. А. Тучкова-Огарева), а также сравнение Герцена с колокольчиком, которое в свете издания им «Колокола» выглядит особенно примечательно: «Всегда заливался и звонил, как колокольчик. В этом серебряном звоне было столько силы, блеска, ума, иронии, знаний, что он никогда не мог надоесть»²³.

¹⁹ Панаева. 1956. С. 122, 126.

²⁰ Вырубов. 1956. С. 287.

²¹ Панаев. 1956. С. 101.

²² Чичерин. 1990. С. 193.

²³ Панаев. 1956. С. 101.

Качества, которые отмечали в Герцене современники, создавали впечатление живого, подвижного, энергичного человека: «лицо одушевлено необыкновенным блеском и живостью карих остроумных глаз»²⁴, «пылкий и остроумный». В мемуарах находим такие словмаркеры как: «блестящие, живые, большие, пронизательные серые глаза», «подвижные манеры», «по живости натуры долго не мог усидеть на месте», «необыкновенную живостью характера оживлял всех». Можно предположить, что их появление связано не только с отражением индивидуальности Герцена, но и особой семантической связью понятий «жизнь» и «мысль» для русских интеллектуалов.

Образ Герцена в сознании современников порой соединялся с образом Чацкого из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Сравним характеристику, данную Чацкому, с приведенными выше: «Чацкий не только умнее всех прочих лиц, но и положительно умен. Речь его кипит умом, остроумием. У него есть и сердце, и притом он безукоризненно честен. Словом – это человек не только умный, но и развитой, с чувством, или, как рекомендует его горничная Лиза, “он чувствителен, и вешел, и остер”»²⁵. И. А. Гончаров в статье «Милльон терзаний» писал:

«Много можно бы привести Чацких – являвшихся на очередной смене эпох и поколений – в борьбах за идею, за дело, за правду, за успех, за новый порядок, на всех ступенях, во всех слоях русской жизни и труда – громких, великих дел и скромных кабинетных подвигов. О многих из них хранится свежее предание, других мы видели и знали, а иные еще продолжают борьбу... Оставя политические заблуждения Герцена, где он вышел из роли нормального героя, из роли Чацкого, этого с головы до ног русского человека, – вспомним его стрелы, бросаемые в разные темные, отдаленные углы России, где они находили виноватого. В его сарказмах слышится эхо грибоедовского смеха и бесконечное развитие острот Чацкого»²⁶.

Сравнение Герцена с Чацким отнюдь не случайно и было обусловлено не только чертами личности Герцена, но и особой ролью литературы в русском обществе XIX в., которая создавала образцы поведения, примеры для подражания, формировала общественное мнение и часто определяла восприятие эпохи. Реальные люди и герои литературных произведений настолько тесно переплелись, что Д. Н. Овсянко-Куликовский в начале XX в. написал «Историю русской интеллигенции», прослеживая изменения в общественном сознании по произведениям русской литературы, выделяя соответствующие интеллигентские

²⁴ Там же. С. 114.

²⁵ Гончаров. 1980. Т. 8. С. 24.

²⁶ Там же. С. 44.

типы. Часто и современные исследователи русской интеллигенции не отделяют ее от литературных героев.

В 1830–1840-х гг. «мысль и чувство» являлись ключевыми компонентами самоидентификации формирующейся русской интеллигенции, что не могло не отразиться на содержании образа Герцена в воспоминаниях его современников. В этом можно увидеть и результат влияния философии Просвещения, так как для просветительства XVIII в. были также характерны два художественных метода: «интеллектуальный» и «сентиментальный», которые уравнивали друг друга. В соединении мысли и чувства как двух важнейших категорий для русской интеллигенции прослеживается и влияние Вольтера, подтверждая сохранение просветительской парадигмы в сознании интеллигенции XIX в. Вспомним известные строки Вольтера: «Мы знаем достоверно, что существуем, чувствуем, мыслим». Не случайно современники Герцена называли его «Вольтером XIX столетия», «русским Вольтером»²⁷.

Итак, образ Герцена в мемуарах «замечательного поколения» 1830–40-х гг. воплотил основные качества интеллигента: критическую мысль и чувство. Для Анненкова Герцен воплощал собой тип первоклассного русского писателя и мыслителя, строгого учителя и нравственного проповедника. Мемуары запечатлели образ блестящего интеллектуала, неспособного мириться с окружающей его действительностью, искавшего выход в страстных спорах кружков, в публицистической деятельности, и вынужденного оставить Россию в поисках свободы. Вспоминая о Герцене, представители поколения 1830–40-х гг. создали блестящий автообраз своей эпохи, своего поколения, проявившего себя в насыщенной интеллектуальной деятельности и горячности чувств, несмотря на «холод» николаевского царствования. Герцен для людей 1830–40-х гг. стал той фигурой памяти, которая противопоставлялась «рассудочной» и «нигилистической» эпохе 1860-х гг. и использовалась в символической борьбе за «новые» поколения и место в сознании потомков.

Успешность закрепления в исторической памяти образа «блестящей» эпохи, представленной, в том числе, и Герценом, подтверждают мемуары следующих поколений русской интеллигенции. Для многих мемуаристов второй половины XIX в. «эпоха Герцена» стала точкой отсчета и «мерилом» собственной биографии. П. В. Быков писал:

²⁷ Образ Герцена в мемуарах современников подтверждает наблюдение В. Ф. Пустарнакова о том, что «просветительский рационализм пронизан чувствами, страстями, интересами деятелей, стремившихся к коренным преобразованиям всех сфер жизни общества». *Пустарнаков*. 2002. С. 82.

Мне посчастливилось, одаренному долголетием и родившемуся в блестящую, как принято считать, эпоху нашей общественности, сороковые годы (здесь и далее курсив наш. – Н. Р., Т. С.), застать отголоски того подъемного настроения, которым молодежь и лучшие люди этой эпохи, видевшие, прежде всего, благо страны в освобождении народа от крепостного рабства и капиталистического произвола. Тогдашняя литература, как известно, ярко отражала на себе боевой подъем, проникнутый представлением о подвиге, завещанном движением декабристов. И дышалось тогда вольно и легко пишущему человеку, несмотря на трудность материальной борьбы, тернистость пути писателя и цензурный гнет. Эпоха эта дала нам своих лучших представителей в лице Герцена, Лаврова, Чернышевского, Грановского, Бакунина, Некрасова, Достоевского, Гончарова, Тургенева, Писемского, Добролюбова, Белинского, Писарева и других²⁸.

В числе приемов, использовавшихся мемуаристами второй половины XIX в., было сопоставление образа Герцена с типологическими характеристиками разных поколений русских интеллектуалов. Поколенческие градации истории культуры были одним из распространенных способов фиксации исторической памяти как в мемуарах, так и в публицистике и литературной критике XIX в. Определение поколенческой принадлежности Герцена отражало поколенческую, сословную и социокультурную идентичность авторов мемуарных текстов, их оценку жизни и творчества разных поколений русской интеллигенции.

Для младшего современника П. Д. Боборыкина (р. 1836 г.) Герцен (р. 1812 г.) воплощал черты предшествующего (старшего) поколения русских интеллигентов, при этом 1830–40-е гг. соединялись в памяти как один период истории русской культуры. Важно, что мемуарист видел в Герцене, в отличие от И. С. Тургенева, не представителя поколения «отцов», а «старшего собрата, с такой живостью и прямою всех проявлений его ума, души, юмора, какая является только в беседе с близким единомышленником...»²⁹. В своих воспоминаниях Боборыкин называл Герцена то «москвичом 1830-х гг.», то «москвичом 1840-х гг.». В очерке, посвященном русским политическим эмигрантам он пишет:

Герцен! Нет личности и фигуры в нелегальном мире русской интеллигенции более яркой и даровитой, чем этот *москвич 30-х годов*, сочетавший в себе все самые выдающиеся свойства великорусской природы... На всем моем долгом веку я не встречал русского эмигранта, который по прошествии более двадцати лет жизни на чужбине (и так полной всяких испытаний и воздействий окружающей среды) остался бы столь ярким образцом московской интеллигенции на барско-московской почве... По-французски он говорил бойко, так же как и писал; но мы и тогда находили, что он все-таки остался в своем произношении

²⁸ Быков. 1930. С. 3.

²⁹ Боборыкин. 2003. С. 550.

и манере говорить *москвичом 40-х годов*, другими словами: он произносил по-французски, а думал по-русски³⁰.

В этом случае идентификация с определенной эпохой, поколением проявляет значимость и культурно-национальной идентификации, одной из «вечных» проблем русской интеллигенции. Образ Герцена позволяет утвердить мысль о «русскости» интеллигенции, национальной идентичности, заложенной еще в эпоху ее формирования. Интересно, что понятие «русский» соединялось с понятием «москвич», отражая сложившуюся традицию противопоставления Москвы и Петербурга в осмыслении национальных и европейских компонентов русской культуры. Москва являлась в общественном сознании воплощением традиционной русской культуры, национального начала – в противоположность Петербургу как воплощению начала европейского. С другой стороны, противопоставление Москвы Петербургу связано с официальным характером последнего, что выражает сравнение Н. В. Станкевича: «Москва – идея, Петербург – форма; здесь – жизнь, там движение – явление жизни; здесь – любовь и дружба, там – истинное почтение, с которым не имеют чести быть и т.д.»³¹. Причем сам Герцен внес вклад в формирование представлений о характере взаимоотношений Москвы и Петербурга. П. В. Анненков писал в своих воспоминаниях:

Когда я познакомился с Г<ерценом>, он нам читал только что написанную им известную остроумную параллель между Москвой и Петербургом. Сопоставляя упорство Москвы в сохранении всяческих, почтенных и непочтенных, своих особенностей с развязностью Петербурга, не признающего важности ни в чем на свете, кроме разве *приказанья*, полученного из надлежащего источника, Г<ерцен> все-таки не мог скрыть, несмотря на все свои юмористические и саркастические выходки, жертвой которых были в равной степени обе столицы наши, своего тайного благорасположения к одной, старшей из них, – благорасположения, от которого он не освободился и в период заграничной эмиграции. Да он и не старался от него освободиться, а, напротив, как будто сбергал в себе это чувство³².

Однако вопрос о «русскости» Герцена неоднозначно решался современниками и по-разному интерпретировался его последователями и идейными врагами. Для его последователей утрированная «русскость» являлась основанием для «отсчета родства» русской интеллигенции с Герценом, а его «европейскость», «западничество» выступали свидетельством приобщенности русского образованного общества к достижениям европейской культуры и общественной мысли. Для идейных

³⁰ Там же. С. 635, 637.

³¹ Станкевич. 1982. С. 87.

³² Анненков. 1989. С. 192.

оппонентов важно было продемонстрировать «чуждость» Герцена русской жизни, его оторванность от русской культуры. Достаточно ярко миф «о русскости» Герцена воплощен в одном из очерков сибирского публициста, «шестидесятника» Н. М. Ядринцева, написанном в 1891 г.:

Здесь бывал блестящий и остроумный Г. [ерцен], представитель 40-х годов, человек с европейским воспитанием, знакомый с общественной жизнью во всех концах Европы, изъездивший ее вдоль и поперек, *человек европейских культурных влечений, но чисто русского характера*. В нем было соединение *русского барина* с привычками *европейского сибарита*, с эстетическим отношением к цивилизации. *Русская любовь* к народу была окрашена западничеством. Он изучал европейскую философию, но взял из нее только положительную сторону, что было свойством его трезвого ума, не зараженного мистицизмом и немецкими абстракциями. С едким *русским юмором* и наблюдательностью, он был склонен к сатире и сарказму, и в то же время не было человека более способного к увлечению и мечтательности. В этой натуре, чисто художественной, было сочетание *старого романтизма, нового идеализма* рядом с рефлексией, с глубоко затаенной *русской грустью* и разьедающим скептицизмом³³.

Таким образом, Герцен мог восприниматься и как тип русского европейца, воплощая европейскую культурную ориентацию русской интеллигенции. Как писал Г. Федотов:

Петровская реформа действительно вывела Россию на мировые просторы, поставив ее на перекрестке всех великих культур Запада, и создала породу русских европейцев. Их отличает, прежде всего, свобода и широта духа – отличает их не только от москвичей, но и от настоящих западных европейцев. В течение долгого времени Европа как целое жила более реальной жизнью на берегах Невы или Москва-реки, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее. <...> Русский европеец был дома везде³⁴.

Европейцем называет Герцена в своих воспоминаниях П. Д. Боборькин: «В нем и тогда чувствовался всего более и *общечеловек* и *европеец*, который сам пережил и перестрадал все “проклятые” вопросы XIX в. и поднялся над всем тем, чем удовлетворялось большинство его сверстников»³⁵. Рассуждая о «душевном складе» Герцена, «манере говорить и держать себя в обществе», Боборькин отмечал его близость с «москвичем почти той же эпохи» К. Д. Кавелиным. Он даже утверждал, что они легко могли сойти за родных даже по наружности³⁶.

Заметим, что сравнение с другими «героями» русской общественной и литературной жизни было характерным приемом при конструировании образа Герцена в мемуарной литературе XIX в. Для Боборьки-

³³ Ядринцев. 1979. С. 229.

³⁴ Федотов. 1992. С. 178.

³⁵ Боборькин. 2003. С. 558–559.

³⁶ Там же. С. 546; 636.

на «зеркалами», в которых наиболее ярко отражались черты личности Герцена, стали образы его современников (И. С. Тургенева, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского и др.). Такие сопоставления предпринимались, чтобы показать масштаб личности Герцена, определить его значение для истории русской интеллигенции и общественной мысли:

Но и тогда, каким я находил Герцена как сына своей эпохи, как писателя и общественного деятеля второй половины XIX в., он выдержал бы сравнение с кем угодно из выдающихся людей в России и за границей, с какими меня сталкивала жизнь до той эпохи. Герцен был и тогда, в сущности, всех интереснее, блестящее и живее, горячее, отзывчивее на все крупные вопросы не одной своей родины, но и всего человечества³⁷.

Типична для мемуаристики об изучаемой эпохе фраза из «Записок революционера» П. А. Кропоткина (р. 1842 г.): «Годы 1857–1861 были, как известно, эпохой умственного пробуждения России. Все то, о чем поколение, представленное в литературе *Тургеневым, Герценом, Бакуниным, Огаревым, Толстым, Достоевским, Григоровичем, Островским и Некрасовым*, говорило шепотом, в дружеской беседе, начинало теперь проникать в печать»³⁸. В мемуаристике о второй половине 1850-х гг. Герцен наделяется статусом символа эпохи, его публицистическая и издательская деятельность интерпретировалась как симптом «нового» времени, знак перемен, происходивших в общественно-политической жизни империи. В мемуарном дискурсе об «эпохе обновления» Герцен становится фигурой памяти о начальном этапе реформирования страны для большинства мемуаристов, вне зависимости от их возраста, пола, общественно-политических симпатий. Он номинируется одновременно, как идеолог и ярчайший представитель *новых людей*.

Описывая вторую половину 1850-х гг. как начало «долголетней, смутной, горестной» эпохи, известный русский консерватор В. П. Мещерский (р. 1839 г.) писал: «Это *новое*, смешно вспомнить, был Герцен... Явился *новый страх* – Герцен; явилась новая *служебная советь* – Герцен; явился *новый идеал* – Герцен»³⁹. Ассоциативная связь периода подготовки либеральных реформ с Герценом у внука Карамзина настолько сильна, что весь этот период времени он отождествлял с Герценом, именуя «эпохой Герценского террора»⁴⁰. Попутно заметим, что многократное повторение слова «эпоха» в текстовых фрагментах воспоминаний Мещерского, посвященных Герцену, подчеркивает, вне

³⁷ Там же. С. 558–559.

³⁸ *Кропоткин*. 1990. С. 124.

³⁹ *Мещерский*. 2003. С. 47.

⁴⁰ Там же. С. 48.

зависимости от стремлений автора, признание исторического значения «лондонского изгнанника», мифологизацию его образа, равно как и уподобление герценовской публицистики проповедям, упоминания о ее многочисленных читателях, в том числе, юнкерах, чиновниках, высокопоставленных сановниках. Герцен для убежденного консерватора Мещерского был лишь начальным звеном в числе многочисленных творцов «дерзостной крамолы». Причем, к концу 1870-х гг. Герцен уже стал «воспоминанием о чем-то детском» в сравнении с авторами многочисленных манифестов, судебных приговоров, которые разбрасывались в столице и провинции. Таким образом, Мещерский, как и его идейный оппонент – Ленин, как и многочисленные интерпретаторы ленинского наследия, включал Герцена в общую канву русского революционного движения и акцентировал преемственность этого движения.

Для либеральной и народнической молодежи 1860-х гг. имя Герцена становится *идентификационным символом их поколения*, своеобразным *паролем*, позволяющим различать «своих» и «чужих». Обратимся к воспоминаниям литературного критика А. М. Скабичевского (р. 1838 г.): «Вместо того, чтобы ухаживать за барышнями, молодые люди взапуски пустились развивать их посредством умных разговоров и чтения передовых мыслителей – русских и европейских. После первых же двух-трех приветствий у молодых людей появились уже на языке имена: Белинский, Грановский, Герцен»⁴¹. П. А. Кропоткин так вспоминал о своем юношеском преклонении перед герценовским «словом»:

А я почти с *молитвенным благоговением* глядел на напечатанный на обложке “Полярной звезды” медальон с изображением голов повешенных декабристов – Бестужева, Каховского, Пестеля, Рыльева и Муравьева-Апостола. Красота и сила творений Герцена, мощь размаха его мыслей, его глубокая любовь к России охватили меня. Я читал и перечитывал эти *страницы, блестящие умом и проникнутые глубоким чувством*. Тургенев правду сказал, что *Герцен писал слезами и кровью*, что с тех пор у нас никто так не писал⁴².

Анализ мемуаров позволяет утверждать, что чтение произведений Герцена было одним из показателей *принадлежности к субкультуре учащейся молодежи* 1850–1860-х гг. Земский статистик И. М. Красноперов, поступивший в Казанский университет в 1862 г., упоминает о том, что на собраниях популярного в студенческой среде историко-филологического кружка читали и обсуждали статьи «полузапрещенного» герценовского «Колокола»⁴³. Историк М. В. Голицын, ставший сту-

⁴¹ Скабичевский. 2001. С. 201.

⁴² Кропоткин. 1990. С. 125.

⁴³ Красноперов. 1924. С. 73.

дентом Московского университета в 1865 г., когда политическая активность студенческой молодежи пошла на спад, тем не менее, вспоминал:

Что касается до политики, то надо сказать, что эпоха моего вступления в университет была совершенно спокойною в этом отношении, но в нашей среде живы были традиции прошлого, предания о волнениях и смутах, происходивших как в самих стенах университета, так и вне их. Многое говорилось об этом между нами, многое передавалось от курса к курсу, как передавались из рук в руки запрещенные плоды – произведения Герцена и других⁴⁴.

Своеобразным показателем «разночинности» формировавшейся русской интеллигенции является различная сословная идентификация Герцена мемуаристами. Боборыкин зафиксировал двойственную сословную идентичность Герцена – «*русский барин-интеллигент*», переводя сословную идентификацию в социокультурную: «*Это барство, в лучшем культурном смысле, сейчас же чувствовалось – барство природы, образования и всей духовной повадки*»⁴⁵. Отмечалось сочетание в Герцене аристократических и демократических социокультурных характеристик: «*Тип русского человека, Герцен производил впечатление истого русского дворянина, вскормленного роскошью крепостной среды; демократ по убеждениям, он был истинным аристократом по манерам, вкусам, воспитанию*»⁴⁶. С. Д. Шереметев (р. 1844 г.), подчеркивая аристократизм Герцена, даже называл его главой «теневого» правительства, во многом определявшего реформаторскую деятельность власти:

С 1857 г. за рубежом России ударили в набат, “зову живых” – возгласили при звоне колоколов Герцена. Отныне нет тайн для подспудного правительства в Лондоне, и настоящее правительство прислушивается к этому “Колоколу”, направляется им и зачитывается им. Заслужить одобрение Герцена, удостоиться похвалы в его газете – это заветная мечта преобразователей... Герцен – человек большого ума, больших дарований. Это – сила, которую вовремя не сумели привлечь к правительству, его – по духу и приемам *аристократа*, по крови *потомка родовитого колена Яковлевых*, ирониию судьбы искусственно отброшенного в ряды врагов правительства⁴⁷.

Мемуары Шереметева указывают на то, что образ Герцена соотносился не только с русской родовой аристократией, но и с *образом власти эпохи реформ*. С одной стороны, Герцен номинировался как «властитель дум», в том числе и «команды чиновников-реформаторов», с другой – драма власти и самого Герцена в том, что он «случайно» («волей судьбы») оказался в оппозиции власти, не на «том берегу».

⁴⁴ Голицын. 1917. С. 179–180.

⁴⁵ Боборыкин. 2003. С. 546.

⁴⁶ Романович-Славянский. 1903. С. 205–206.

⁴⁷ Шереметев. 2004. С. 145.

Поколенческая, сословная идентификация «через Герцена» тесно переплеталась с идейно-политической. Проиллюстрируем это на примере довольно типичных в этом смысле мемуаров студента столичного университета конца 1850-х – начала 1860-х гг. В. Сорокина:

Само собою разумеется, что в то наиболее *либеральное время* в жизни русского общества, характер и наших кружков (речь идет о студенческих кружках. – Н. Р., Т. С.) был по преимуществу *либеральный*. Столь популярный тогда “Колокол” Герцена, равно как и все другие заграничные издания этого писателя, читались на наших собраниях с особенным усердием и вниманием, и затем, далеко за полночь, обсуждались со всем пылом и задором молодости⁴⁸.

Примечательна рефлексия 17-летнего С. Д. Шереметева, будущего историка, по поводу своей идеологической идентификации:

Это было время появления “Что делать?” Чернышевского и “Отцов и детей” Тургенева, и тип Базарова был очень всем известен... Странное и сложное время, когда мысли и понятия еще бродили, когда молодые увлечения еще не вполне установились и чувствовали какое-то оживление либерализма... Я стоял на перепутье между *Герценом и Огаревым, подкупавшими талантом и остроумием*; Хомяковым, пленившим меня стройностью мысли и художественным своим стихом... От Хомякова переход к Константину Аксакову не труден, но когда я поддался течению и доверчиво пошел за Иваном Аксаковым, то сразу был остановлен звучащей неверной нотой: Герцен взял эту ноту в польском вопросе, И. Аксаков – в дворянском. Я был совершенно отрезвлен⁴⁹.

Заметим, что определение идейной принадлежности самого Герцена – вопрос, вызывавший наибольшие разночтения у современников и решавшийся, естественно, в зависимости от собственных убеждений мемуаристов и от времени, при характеристике которого актуализировался образ Герцена. Диапазон номинаций идеологических пристрастий Герцена достаточно широк: от либерала до революционера, от убежденного западника до сторонника русского общинного социализма.

Для поколения 1880-х гг. имя Герцена продолжало служить основанием для идентификации представителей общественного движения, интеллигенции. А. В. Тыркова-Вильямс (р. 1869 г.) отмечает, что П. Б. Струве сравнивали с Герценом, говорили, что «как “Колокол” подготавливал реформы 60-х гг., так “Освобождение” расчищает путь для реформ конституционных. Все это придавало Струве большой авторитет, создавало ему популярность»⁵⁰. Восприятие имени Герцена как символа интеллигенции подтверждают и воспоминания А. В. Амфитеатрова, относившего себя к поколению «восьмидесятников»:

⁴⁸ Сорокин. 1888. С. 619.

⁴⁹ Шереметева. 2004. С. 192.

⁵⁰ Тыркова-Вильямс. 1998. С. 350.

Есть имена, сами за себя говорящие, настолько выразительно, что прибавление к ним какого бы то ни было профессионального определения не только не поясняет их, но как-то даже затемняет, принижает, умаляет, суживает, почти опошляет их истинное значение. Поэт Пушкин, беллетрист Тургенев, публицист Герцен, профессор истории Грановский странно звучат в ухе русского человека ... Имена эти стали для интеллигентных масс символами своих идей настолько полно и прочно, что попытка еще добавочно разьяснять их эпитетами и определениями уже излишня и даже как будто оскорбительна⁵¹.

Даже портрет Герцена мог восприниматься как легко прочитываемый в русском обществе знак политических убеждений и определенной идентичности. Тот же Амфитеатров вспоминал, что у одного сотрудника газеты в 1880-е гг. над письменным столом висел портрет Герцена, причем характеризует его: «Человек весьма либеральный, почитавший себя “красным”»⁵². Смешение названий идейно-политических направлений не случайно, так как в процессе формирования идентичности интеллигенции важна не столько принадлежность к определенному политическому течению, сколько к определенной традиции, имеющей в основании «мысль и чувство». Поэтому и крупнейший русский мыслитель Н. А. Бердяев, определяя свою принадлежность к русской интеллигенции, использовал те же идентификационные основания, подчеркивая общность представителей интеллигенции, несмотря на мировоззренческие различия. В философской автобиографии Бердяев писал:

Несмотря на западный во мне элемент, я чувствую себя принадлежащим к русской интеллигенции, искавшей правду. Я наследую традицию славянофилов и западников. Чаадаева и Хомякова, Герцена и Белинского, даже Бакунина и Чернышевского, несмотря на различие мирозозерцаний, и более всего Достоевского и Л. Толстого, Вл. Соловьева и Н. Федорова. Я русский мыслитель и писатель⁵³.

Принадлежность к интеллигенции определяется Бердяевым как принадлежность к кругу лиц, воплощающих интеллигентскую традицию, являющихся символами русской интеллигенции. Примечательно, что в очередной раз имена литературных героев оказываются связанными с реальными людьми в рамках идентичности интеллигенции. Имена Ивана Карамазова, Версилова, Ставрогина, князя Андрея Болконского, Чацкого, Онегина, Печорина выстраиваются Бердяевым в одну линию, историю русской интеллигенции и историю своей жизни, подчеркивая мотив скитальчества, одиночества как характерный для русского интеллигента. Но для Бердяева самоидентификация проявляется в осознании связи с «Чаадаевым, с некоторыми славянофилами, с

⁵¹ Амфитеатров. 2004. С. 36–37.

⁵² Там же. С. 450.

⁵³ Бердяев. 1991. С. 11.

Герценом, даже с Бакуниным и русскими нигилистами, с самим Л. Толстым, с Вл. Соловьевым. Как и многие из этих людей, я вышел из дворянской среды и порвал с ней»⁵⁴.

* * *

Имя Герцена является знаковым в истории русской интеллигенции. Можно говорить о «присвоении»/«отторжении» Герцена разными поколениями и разными идейными течениями русских интеллектуалов. Герцен стал идентификационным символом формирующейся *русской интеллигенции* как социокультурной группы, утверждавшей свой статус в социуме, создающей свою мифологию, определявшей свои мировоззренческие истоки и приоритеты, поведенческие образцы. Современники Герцена – представители поколения 1830–1840-х гг. основное внимание акцентировали на интеллектуальных и коммуникативных характеристиках «героя своего поколения» и таким образом выдвигали на первый план социокультурную идентификацию «через Герцена».

Для авторов, причислявших себя к поколению «шестидесятников», в образе Герцена на первый план выдвигались общественно-политическая и цивилизационная ориентация «лондонского изгнанника», его взаимоотношения с властью. Расширение спектра социальных ролей Герцена свидетельствовало, с одной стороны, об актуализации новых идентификационных оснований для интеллигенции, как уже сложившейся социальной группы, находившейся на стадии «самоописания», претендующей на особое место в модернизирующейся российской империи. С другой стороны, новые черты в образе Герцена были обусловлены фактом его усиливающего отчуждения от реалий общественно-политической и культурной жизни Российской империи. Для представителей поколения 1880-х гг., не имевших опыта непосредственного общения с Александром Ивановичем и лишь в самых общих чертах знакомых с его идеями (в силу цензурных запретов на публикацию его произведений), имя Герцена стало знаком оппозиционности власти, личной независимости и активной гражданской позиции.

Образ Герцена в мемуарной литературе XIX в. нашел продолжение в XX веке, имя Герцена служило аргументом в идейных спорах и оставалось знаковым для русской интеллигенции. Противоречивый образ Герцена отразил все противоречия русской общественной жизни, трудности идентификационных исканий русского общества, и стал одним из оснований для самоидентификации русской интеллигенции XIX–XX вв.

⁵⁴ Там же. С. 40.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А. И. Рейтблата. М.: НЛЮ, 2004. Т. 1. 584 с.
- Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // Герцен в воспоминаниях современников / Сост., вступит. статья и коммент. В. А. Путинцева. М.: Гослитиздат, 1956.
- Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989. 688 с.
- Базилева З. П.* «Колокол» Герцена (1857–1867 гг.). М.: ОГИЗ, 1949. 294 с.
- Бердяев Н. А.* Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991.
- Берлин И.* Александр Герцен и его мемуары // Вопросы литературы. 2000. № 2.
- Боборыкин П. Д.* За полвека. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 688 с.
- Бушканец Е. Г.* Добролюбов и Герцен // Проблемы изучения Герцена. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Быков П. В.* Силуэты далекого прошлого. М.-Л.: Земля и фабрика, 1930. 237 с.
- Ветринский Ч.* [Чешихин В. Е.] Герцен. СПб.: Труд, 1908. 532 с.
- Видуэцкая И. П.* Лесков о Герцене // Проблемы изучения Герцена. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 293–299.
- Володин А. И.* Герцен. М.: Мысль, 1970. 216 с.
- Вырубов Г. Н.* Революционные воспоминания // Герцен в воспоминаниях современников / Сост., вступит. статья и коммент. В. А. Путинцева. М.: Гослитиздат, 1956.
- Герцен А. И.* Капризы и раздумье // Герцен А. И. Собрание сочинений в 30-ти т. М., 1954. Т. 2.
- Голицын М. В.* Московский университет в 60-х годах // Голос минувшего. 1917. № 11–12.
- Гончаров И. А.* Милльон терзаний // Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. литература, 1980.
- Громова Л. П.* А. И. Герцен и русская журналистика его времени. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994. 156 с.
- Дрыжакова Е.* Герцен на Западе в лабиринте надежд, славы и отречений. СПб.: Академический проект, 1999. 299 с. (Современная западная русистика. Т. 21).
- Живов В.* Апология Герцена в феноменологическом исполнении («Философское мировоззрение Герцена») Г. Г. Шпета) // НЛЮ. 2005. № 71 [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/zhi8.html>
- Келли А.* Был ли Герцен либералом? // НЛЮ. 2002. № 58 [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/kell.html>
- Красноперов И. М.* Записки разночинца. М.-Л.: Молодая гвардия, 1924. 152 с.
- Кропоткин П. А.* Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 526 с.
- Мецкерский В. П.* Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 864 с.
- Панаев И. И.* Литературные воспоминания // Герцен в воспоминаниях современников / Сост., вступит. статья и коммент. В. А. Путинцева. М.: Гослитиздат, 1956.
- Панаева А. Я.* Воспоминания // Герцен в воспоминаниях современников / Сост., вступит. статья и коммент. В. А. Путинцева. М.: Гослитиздат, 1956.
- Паперно И.* Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // НЛЮ. 2004. № 68 [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/pap5.html>
- Перкль М. К.* Отклики русской печати на смерть А. И. Герцена // Общественная мысль в России XIX в. Л.: Наука, 1986.

- Пирумова Н. М.* Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М.: Мысль, 1989. 256 с.
- Порох И. В.* Герцен и Чернышевский. Саратов: Кн. изд-во, 1963. 212 с.
- Пустарнаков В. Ф.* Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М.: ИФ РАН, 2002. 341 с.
- Романович-Славатинский А. В.* Моя жизнь и академическая деятельность // Герцен в воспоминаниях современников / Сост., вступит. статья и коммент. В. А. Путинцева. М.: Гослитиздат, 1956.
- Романович-Славатинский А. В.* Моя жизнь и академическая деятельность // Вестник Европы. 1903. № 3.
- Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М.: Аграф, 2001. 432 с.
- Смирнова Е. А.* Герцен и Гоголь // Проблемы изучения Герцена. М. Издательство АН СССР, 1963.
- Сорокин В.* Воспоминания старого студента // Русская старина. 1888. № 12.
- Станкевич Н. В.* Избранное / Сост., вступ. статья и примеч. Г. Г. Елизаветиной. М.: Советская Россия, 1982. 256 с.
- Туманинов В. А.* А. И. Герцен и русская общественно-литературная мысль XIX в. СПб.: Наука, 1994. 217 с.
- Тыркова-Вильямс А. В.* Воспоминания. То, чего больше не будет. М.: Слово, 1998. 556 с.
- Федосеева Е. П.* Из истории борьбы самодержавия с изданиями Герцена // Литературное наследство. Т. 63. М., 1956.
- Федотов Г. П.* Письма о русской культуре // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: В 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1992.
- Хестанов Р.* Александр Герцен: Импровизация против доктрины. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 344 с.
- Шмереметев С. Д.* Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 1 / Сост., подгот. текста и прим. Л. И. Шохина. Изд. 2-е, испр. М.: Индрик, 2004. 736 с.
- Чичерин Б. Н.* Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы. 1826–1856. М.: Правда, 1990.
- Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII–XIX вв. и Вольная печать. М.: Мысль, 1984. 367 с.
- Эйдельман Н. Я.* Герценовский «Колокол». М.: Учпедгиз, 1963. 104 с.
- Эйдельман Н. Я.* К истории лондонской встречи Чернышевского с Герценом (Дарственная надпись на книге «Эстетические отношения искусства к действительности») // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: Чернышевский и его эпоха. М.: Наука, 1979.
- Ядринцев Н. М.* Ночь в «Avenue de L'Opera» // Литературное наследство Сибири. Т. 4. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1979.
- Родигина Наталья Николаевна**, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета; natrodigina@list.ru
- Сабурова Татьяна Анатольевна**, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета; sabourova@mail.ru